

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Всероссийская олимпиада школьников
по литературе
2017-2018 учебный год

Государственное бюджетное учреждение
дополнительного образования
Краснодарского края
«ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОДАРЕННОСТИ»
350000 г. Краснодар,
ул. Красная, 76
тел. 259-84-01
E-mail: cro.krd@mail.ru

Муниципальный этап

10 класс, задания

Председатель предметно-методической
комиссии: Сомова Е.В., к.ф.н., доцент

Аналитическое задание

Вам предлагается *на выбор* выполнить целостный анализ лирического *либо* эпического произведения.

1. Выполните целостный анализ стихотворения А. А. Блока «На железной дороге».

В ходе работы Вы *можете* опираться на следующие вопросы:

- Как связаны повествовательное и лирическое начала в сюжете стихотворения «На железной дороге»?
- Как композиция произведения способствует раскрытию авторского замысла (приемы композиционного кольца, контраста, психологического параллелизма, умолчания)?
- Как раскрывается в произведении характер и судьба героини? Какую роль в этом играют аллюзии на произведения русской классической литературы, ее темы, мотивы, образы?
- Какую символическую нагрузку несут образы *поезда, вокзала, железной дороги*?
- В чём особенности ритмической структуры произведения, логика выбора стихотворного размера?
- Почему А. Блок сказал об этом стихотворении «Это всё – о России»?

Не забывайте, что Ваш анализ должен представлять собой связный текст.

На железной дороге

Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.

Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих –
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальной из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул – и поезд в даль умчалю.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что – давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.

14 июня 1910

2. Выполните целостный анализ рассказа А.П. Платонова «В прекрасном и яростном мире».

В ходе работы Вы *можете* опираться на следующие вопросы:

- Насколько важно для понимания смысла рассказа соотношение с контекстом эпохи?
- Как бы Вы определили основной конфликт произведения?

- Почему в рассказе так значим пласт профессиональной лексики? Почему она устойчиво соотносится с лексикой, описывающей сферу творчества?
- Как соотнесены в тексте образы техногенного и природного миров?
- Какие средства, помимо традиционных эпических, помогают обеспечивать художественную целостность произведения? В чем проявляется модернистская природа данного текста?
- Каким символическим смыслом наполнены следующие образы: *мастер / подмастерье; «внешнее» / «внутреннее» зрение; железная дорога; машина / поезд?*
- Какие черты индивидуального стиля А.П. Платонова Вы могли бы выделить?
- В чем смысл переключки названия и итоговой формулы текста (*«действие внезапных и враждебных сил нашего прекрасного и яростного мира»*)? Как она раскрывается в произведении? Как помогает читателю в понимании авторского замысла?

Не забывайте, что Ваш анализ должен представлять собой связный текст.

В прекрасном и яростном мире

I

В Толубеевском депо лучшим паровозным машинистом считался Александр Васильевич Мальцев.

Ему было лет тридцать, но он уже имел квалификацию машиниста первого класса и давно водил скорые поезда. Когда в наше депо прибыл первый мощный пассажирский паровоз серии "ИС", то на эту машину назначили работать Мальцева, что было вполне разумно и правильно. Помощником у Мальцева работал пожилой человек из деповских слесарей по имени Федор Петрович Драбанов, но он вскоре выдержал экзамен на машиниста и ушел работать на другую машину, а я был вместо Драбанова определен работать в бригаду Мальцева помощником; до того я тоже работал помощником механика, но только на старой, маломощной машине.

Я был доволен своим назначением. Машина "ИС", единственная тогда на нашем тяговом участке, одним своим видом вызывала у меня чувство воодушевления: я мог подолгу глядеть на нее, и особая растроганная радость пробуждалась во мне, столь же прекрасная, как в детстве при первом чтении стихов Пушкина. Кроме того, я желал поработать в бригаде первоклассного механика, чтобы научиться у него искусству вождения тяжелых скоростных поездов.

Александр Васильевич принял мое назначение в его бригаду спокойно и равнодушно: ему было, видимо, все равно, кто у него будет стоять в помощниках.

Перед поездкой я, как обычно, проверил все узлы машины, испытал все

ее обслуживающие и вспомогательные механизмы и успокоился, считая машину готовой к поездке. Александр Васильевич видел мою работу, он следил за ней, но после меня собственными руками снова проверил состояние машины, точно он не доверял мне.

Так повторялось и впоследствии, и я уже привык к тому, что Александр Васильевич постоянно вмешивался в мои обязанности, хотя и огорчался молчаливо. Но обыкновенно, как только мы были в ходу, я забывал про свое огорчение. Отвлекаясь вниманием от приборов, следящих за состоянием бегущего паровоза, от наблюдения за работой левой машины и пути впереди, я посматривал на Мальцева. Он вел состав с отважной уверенностью великого мастера, с сосредоточенностью вдохновенного артиста, вобравшего весь внешний мир в свое внутреннее переживание и поэтому властвующего над ним. Глаза Александра Васильевича глядели вперед, как пустые, отвлеченно, но я знал, что он видел ими всю дорогу впереди и всю природу, несущуюся нам навстречу, - даже воробей, сметенный с балластного откоса ветром вонзающейся в пространство машины, даже этот воробей привлекал взор Мальцева, и он поворачивал на мгновение голову вслед за воробьем: что с ним станет после нас, куда он полетел?

По нашей вине мы никогда не опаздывали; напротив, часто нас задерживали на промежуточных станциях, которые мы должны проследовать с ходу, потому что мы шли с нагоном времени, и нас, посредством задержек, обратно вводили в график.

Обычно мы работали молча; лишь изредка Александр Васильевич, не оборачиваясь в мою сторону, стучал ключом по котлу, желая, чтобы я обратил свое внимание на какой-нибудь беспорядок в режиме работы машины, или подготавливая меня к резкому изменению этого режима, чтобы я был бдителен. Я всегда понимал безмолвные указания своего старшего товарища и работал с полным усердием, однако механик по-прежнему относился ко мне, равно и к смазчику-кочегару, отчужденно и постоянно проверял на стоянках пресс-масленки, затяжку болтов в дышловых узлах, опробовал буксы на ведущих осях и прочее. Если я только что осмотрел и смазал какую-либо рабочую трущуюся часть, то Мальцев вслед за мной снова осматривал и смазывал, точно не считая мою работу действительной.

- Я, Александр Васильевич, этот крейцкопф уже проверил, - сказал я ему однажды, когда он стал проверять эту деталь после меня.

- А я сам хочу, - улыбнувшись, ответил Мальцев, и в улыбке его была грусть, поразившая меня.

Позже я понял значение его грусти и причину его постоянного равнодушия к нам. Он чувствовал свое превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее, чем мы, и он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно и попутного воробья, и сигнал впереди, ощущая в тот же момент путь, вес состава и усилие машины. Мальцев понимал, конечно, что в усердии, в старательности мы даже можем его превозмочь, но не представлял, чтобы мы больше его любили паровоз и лучше его водили поезда, - лучше, он думал, было нельзя.

И Мальцеву поэтому было грустно с нами; он скучал от своего таланта, как от одиночества, не зная, как нам высказать это, чтобы мы поняли.

И мы, правда, не могли понять его умения. Я попросил однажды разрешить повести мне состав самостоятельно: Александр Васильевич позволил мне проехать километров сорок и сел на место помощника. Я повел состав - и через двадцать километров уже имел четыре минуты опоздания, а выходы с затяжных подъемов преодолевал со скоростью не более тридцати километров в час. После меня машину повел Мальцев; он брал подъемы со скоростью пятидесяти километров, и на кривых у него не забрасывало машину, как у меня, и он вскоре нагнал упущенное мною время.

II

Около года я работал помощником у Мальцева, с августа по июль, и пятого июля Мальцев совершил свою последнюю поездку в качестве машиниста курьерского поезда...

Мы взяли состав в восемьдесят пассажирских осей, опоздавший до нас в пути на четыре часа. Диспетчер вышел к паровозу и специально попросил Александра Васильевича сократить сколь возможно опоздание поезда, свести это опоздание хотя бы к трем часам, иначе ему трудно будет выдать порожняк на соседнюю дорогу. Мальцев пообещал ему нагнать время, и мы тронулись вперед.

Было восемь часов пополудни, но летний день еще длился, и солнце сияло с торжественной утренней силой. Александр Васильевич потребовал от меня держать все время давление пара в котле лишь на пол-атмосферы ниже предельного.

Через полчаса мы вышли в степь на спокойный мягкий профиль. Мальцев довел скорость хода до девяноста километров и ниже не сдавал, - наоборот, на горизонталях и малых уклонах доводил скорость до ста километров. На подъемах я форсировал топку до предельной возможности и заставлял кочегара вручную загружать шуровку, в помощь стоккерной машине, ибо пар у меня садился.

Мальцев гнал машину вперед, отведя регулятор на всю дугу и отдав реверс на полную отсечку. Мы теперь шли навстречу мощной туче, появившейся из-за горизонта. С нашей стороны тучу освещало солнце, а изнутри ее рвали свирепые, раздраженные молнии, и мы видели, как мечи молний вертикально вонзались в безмолвную дальнюю землю, и мы бешено мчались к той дальней земле, словно спеша на ее защиту. Александра Васильевича, видимо, увлекло это зрелище: он далеко высунулся в окно, глядя вперед, и глаза его, привыкшие к дыму, к огню и пространству, блестели сейчас воодушевлением. Он понимал, что работа и мощность нашей машины могли идти в сравнение с работой грозы, и, может быть, гордился этой мыслью.

Вскоре мы заметили пыльный вихрь, несшийся по степи нам навстречу. Значит, и грозовую тучу несла буря нам в лоб. Свет потемнел вокруг нас: сухая земля и степной песок засвистели и заскрежетали по железному телу паровоза, видимости не стало, и я пустил турбодинамо для освещения и

включил лобовой прожектор впереди паровоза. Нам теперь трудно было дышать от горячего пыльного вихря, забивавшегося в кабину и удвоенного в своей силе встречным движением машины, от топочных газов и раннего сумрака, обступившего нас. Паровоз с воем пробивался вперед в смутный, душный мрак в щель света, создаваемую лобовым прожектором. Скорость упала до шестидесяти километров; мы работали и смотрели вперед, как в сновидении.

Вдруг крупная капля ударила по ветровому стеклу и сразу высохла, испитая жарким ветром. Затем мгновенный синий свет вспыхнул у моих ресниц и проник в меня до самого содрогнувшегося сердца. Я схватился за кран инжектора, но боль в сердце уже отошла от меня, и я сразу поглядел в сторону Мальцева - он смотрел вперед и вел машину, не изменившись в лице.

- Что это было? - спросил я у кочегара.

- Молния, - сказал он. - Хотела в нас попасть, да маленько промахнулась.

Мальцев расслышал наши слова.

- Какая молния? - спросил он громко.

- Сейчас была, - произнес кочегар.

- Я не видел, - сказал Мальцев и снова обратился лицом наружу.

- Не видел? - удивился кочегар. - Я думал, котел взорвался, во как засветило, а он не видел.

Я тоже усомнился, что это была молния.

- А гром где? - спросил я.

- Гром мы проехали, - объяснил кочегар. - Гром всегда после бьет. Пока он ударил, пока воздух расшатал, пока туда-сюда, мы уже прочь его пролетели. Пассажиры, может, слышали - они сзади.

Далее мы вошли в ливень, но скоро миновали его и выехали в утихшую темную степь, над которой неподвижно покоились смирные, изработавшиеся тучи.

Потемнело вовсе, и наступила спокойная ночь. Мы ощущали запах сырой земли, благоухание трав и хлебов, напитанных дождем и грозой, и неслись вперед, нагоняя время.

Я заметил, что Мальцев стал хуже вести машину - на кривых нас забрасывало, скорость доходила то до ста с лишним километров, то снижалась до сорока. Я решил, что Александр Васильевич, наверно, очень устал, и поэтому ничего не сказал ему, хотя мне было очень трудно держать в наилучшем режиме работу топки и котла при таком поведении механика. Однако через полчаса мы должны остановиться для набора воды, и там, на остановке, Александр Васильевич поест и немного отдохнет. Мы уже нагнали сорок минут, а до конца нашего тягового участка мы нагоним еще не менее часа.

Все же я обеспокоился усталостью Мальцева и стал сам внимательно глядеть вперед - на путь и на сигналы. С моей стороны, над левой машиной, горела на весу электрическая лампа, освещающая машущий, дышловой механизм. Я хорошо видел напряженную уверенную работу левой машины, но затем

лампа над нею припотухла и стала гореть бедно, как одна свечка. Я обернулся в кабину. Там тоже все лампы горели теперь в четверть накала, еле освещая приборы. Странно, что Александр Васильевич не постучал мне ключом в этот момент, чтобы указать на такой беспорядок. Ясно было, что турбодинамо не давало расчетных оборотов и напряжение упало. Я стал регулировать турбодинамо через паропровод и долго возился с этим устройством, но напряжение не поднималось.

В это время туманное облако красного света прошло по циферблатам приборов и потолку кабины. Я выглянул наружу.

Впереди во тьме - близко или далеко, нельзя было установить - красная полоса света колебалась поперек нашего пути. Я не понимал, что это было, но понял, что надо делать.

- Александр Васильевич! - крикнул я и дал три гудка остановки.

Раздались взрывы петард под бандажами наших колес. Я бросился к Мальцеву, он обернул ко мне свое лицо и поглядел на меня пустыми покойными глазами. Стрелка на циферблате тахометра показывала скорость в шестьдесят километров.

- Мальцев! - закричал я. - Мы петарды давим! - И я протянул руки к управлению.

- Прочь! - воскликнул Мальцев, и глаза его засияли, отражая свет тусклой лампы над тахометром.

Он мгновенно дал экстренное торможение и перевел реверс назад. Меня прижало к котлу, я слышал, как выли бандажи колес, стругавшие рельсы.

- Мальцев! - сказал я. - Надо краны цилиндров открыть, машину сломаем.

- Не надо! Не сломаем! - ответил Мальцев.

Мы остановились. Я закачал инжектором воду в котел и выглянул наружу. Впереди нас, метрах в десяти, стоял на нашей линии паровоз, тендером в нашу сторону. На тендере находился человек; в руках у него была длинная кочерга, раскаленная на конце до красного цвета, ею и махал он, желая остановить курьерский поезд. Паровоз этот был толкачом товарного состава, остановившегося на перегоне.

Значит, пока я налаживал турбодинамо и не глядел вперед, мы прошли желтый светофор, а затем и красный и, вероятно, не один предупреждающий сигнал путевых обходчиков. Но отчего эти сигналы не заметил Мальцев?

- Костя! - позвал меня Александр Васильевич.

Я подошел к нему.

- Костя!.. Что там впереди нас?

Я объяснил ему.

- Костя... дальше ты поведешь машину. Я ослеп.

На другой день я привел обратный состав на свою станцию и сдал паровоз в депо, потому что у него на двух скатах слегка сместились бандажи. Доложив начальнику депо о происшествии, я повел Мальцева под руку к месту его жительства; сам Мальцев был в тяжком удручении и не пошел к начальнику депо.

Мы еще не дошли до того дома на заросшей травой улице, в котором жил Мальцев, как он попросил меня оставить его одного.

- Нельзя, - ответил я. - Вы, Александр Васильевич, слепой человек.

Он посмотрел на меня ясными, думающими глазами.

- Теперь я вижу, ступай домой... Я вижу все - вон жена вышла встретить меня.

У ворот дома, где жил Мальцев, действительно стояла в ожидании женщина, жена Александра Васильевича, и ее открытые черные волосы блестели на солнце.

- А у нее голова покрытая или безо всего? - спросил я.

- Без, - ответил Мальцев. - Кто слепой - ты или я?

- Ну, раз видишь, то смотри, - решил я и отошел от Мальцева.

III

Мальцева отдали под суд, и началось следствие. Меня вызвал следователь и спросил, что я думаю о происшествии с курьерским поездом. Я ответил, что думал, - что Мальцев не виноват.

- Он ослеп от близкого разряда, от удара молнии, - сказал я следователю. - Он был контужен, и нервы, которые управляют зрением, были у него повреждены... Я не знаю, как это нужно сказать точно.

- Я вас понимаю, - произнес следователь, - вы говорите точно. Это все возможно, но недостоверно. Ведь сам Мальцев показал, что он молнии не видел.

- А я ее видел, и смазчик ее тоже видел.

- Значит, молния ударила ближе к вам, чем к Мальцеву, - рассуждал следователь. - Почему же вы и смазчик не контужены, не ослепли, а машинист Мальцев получил контузию зрительных нервов и ослеп? Как вы думаете?

Я стал в тупик, а затем задумался.

- Молнии Мальцев увидеть не мог, - сказал я.

Следователь удивленно слушал меня.

- Он увидеть ее не мог. Он ослеп мгновенно - от удара электромагнитной волны, которая идет впереди света молнии. Свет молнии есть следствие разряда, а не причина молнии. Мальцев был уже слепой, когда молния засветилась, а слепой не мог увидеть света.

- Интересно! - улыбнулся следователь. - Я бы прекратил дело Мальцева, если бы он и сейчас был слепым. Но вы ж знаете, теперь он видит так же, как мы с вами.

- Видит, - подтвердил я.

- Был ли он слепым, - продолжал следователь, - когда на огромной скорости вел курьерский поезд в хвост товарному поезду?

- Был, - подтвердил я.

Следователь внимательно посмотрел на меня.

- Почему же он не передал управления паровозом вам или, по крайней мере, не приказал вам остановить состав?

- Не знаю, - сказал я.

- Вот видите, - говорил следователь. - Взрослый, сознательный человек управляет паровозом курьерского поезда, везет на верную гибель сотни людей, случайно избегает катастрофы, а потом оправдывается тем, что он был слеп. Что это такое?

- Но ведь он и сам бы погиб! - говорю я.

- Вероятно. Однако меня больше интересует жизнь сотен людей, чем жизнь одного человека. Может быть, у него были свои причины погибнуть.

- Не было, - сказал я.

Следователь стал равнодушен; он уже заскучал от меня, как от глупца.

- Вы все знаете, кроме главного, - в медленном размышлении сказал он.

Вы можете идти.

От следователя я пошел на квартиру Мальцева.

- Александр Васильевич, - сказал я ему, - почему вы не позвали меня на помощь, когда ослепли.

- А я видел, - ответил он. - Зачем ты нужен мне был?

- Что вы видели?

- Все: линию, сигналы, пшеницу в степи, работу правой машины - я все видел...

Я озадачился.

- А как же так у вас вышло? Вы проехали все предупреждения, вы шли прямо в хвост другому составу...

Бывший механик первого класса грустно задумался и тихо ответил мне, как самому себе:

- Я привык видеть свет, и я думал, что вижу его, а я видел его тогда только в своем уме, в воображении. На самом деле я был слепой, но я этого не знал...

Я и в петарды не поверил, хотя и услышал их: я подумал, что ослышался. А когда ты дал гудки остановки и закричал мне, я видел впереди зеленый сигнал. Я сразу не догадался.

Теперь я понял Мальцева, но не знал, почему он не скажет о том следователю, - о том, что, после того как он ослеп, он еще долго видел мир в своем воображении и верил в его действительность. И я спросил об этом Александра Васильевича.

- А я ему говорил, - ответил Мальцев.

- А он что?

- Это, говорит, ваше воображение было; может, вы и сейчас воображаете что-нибудь, я не знаю. Мне, говорит, нужно установить факты, а не ваше воображение или мнительность. Ваше воображение - было оно или нет - я проверить не могу, оно было лишь у вас в голове, это ваши слова, а крушение, которое чуть-чуть не произошло, - это действие.

- Он прав, - сказал я.

- Прав, я сам знаю, - согласился машинист. - И я тоже прав, а не виноват.

Что же теперь будет?

Я не знал, что ответить ему.

Мальцева посадили в тюрьму. Я по-прежнему ездил помощником, но только уже с другим машинистом - осторожным стариком, тормозившим состав еще за километр до желтого светофора, а когда мы подъезжали к нему, то сигнал переделывался на зеленый, и старик опять начинал волочить состав вперед. Это была не работа - я скучал по Мальцеву.

Зимой я был в областном городе и посетил своего брата-студента, жившего в университетском общежитии. Брат сказал мне среди беседы, что у них в университете есть в физической лаборатории установка Тесла для получения искусственной молнии. Мне пришло в голову некоторое соображение, еще не ясное для меня самого.

Возвратившись домой, я обдумал свою догадку относительно установки Тесла и решил, что моя мысль правильна. Я написал письмо следователю, ведшему в свое время дело Мальцева, с просьбой испытать заключенного Мальцева на подверженность его действию электрических разрядов. В случае если будет доказана подверженность психики Мальцева либо его зрительных органов действию близких внезапных электрических разрядов, то дело Мальцева надо пересмотреть. Я указал следователю, где находится установка Тесла и как нужно произвести опыт над человеком.

Следователь долго не отвечал мне, но потом сообщил, что областной прокурор согласился произвести предложенную мною экспертизу в университетской физической лаборатории.

Через несколько дней следователь вызвал меня повесткой. Я пришел к нему взволнованный, заранее уверенный в счастливом решении дела Мальцева.

Следователь поздоровался со мной, но долго молчал, медленно читая какую-то бумагу печальными глазами; я терял надежду.

- Вы подвели своего друга, - сказал затем следователь.

- А что? Приговор остается прежний?

- Нет, мы освободили Мальцева. Приказ уже дан, - может быть, Мальцев уже дома.

- Благодарю вас. - Я встал на ноги перед следователем.

- А мы вас благодарить не будем. Вы дали плохой совет: Мальцев опять слепой...

Я сел на стул в усталости, во мне мгновенно сгорела душа, и я захотел пить.

- Эксперты без предупреждения, в темноте, провели Мальцева под установкой Тесла, - говорил мне следователь. - Включен был ток, произошла молния, и раздался резкий удар. Мальцев прошел спокойно, но теперь он снова не видит света - это установлено объективным путем, судебно-медицинской экспертизой.

Следователь попил воды и добавил:

- Сейчас он опять видит мир только в одном своем воображении... Вы его товарищ, помогите ему.

- Может быть, к нему опять вернется зрение, - высказал я надежду, как было тогда, после паровоза...

Следователь подумал.

- Едва ли. Тогда была первая травма, теперь вторая. Рана нанесена по раненому месту.

И, не сдерживаясь более, следователь встал и в волнении начал ходить по комнате.

- Это я виноват... Зачем я послушался вас и, как глупец, настоял на экспертизе! Я рисковал человеком, а он не вынес риска.

- Вы не виноваты, вы ничем не рисковали, - утешил я следователя. - Что лучше - свободный слепой человек или зрячий, но невинно заключенный?

- Я не знал, что мне придется доказать невинность человека посредством его несчастья, - сказал следователь. - Это слишком дорогая цена.

- Вы следователь, - объяснил я ему, - вы должны знать про человека все, - и даже то, чего он сам про себя не знает.

- Я вас понимаю, вы правы, - тихо произнес следователь.

- Вы не волнуйтесь, товарищ следователь. Тут действовали факты внутри человека, а вы искали их только снаружи. Но вы сумели понять свой недостаток и поступили с Мальцевым как человек благородный. Я вас уважаю.

- Я вас тоже, - сознался следователь. - Знаете, из вас мог бы выйти помощник следователя.

- Спасибо, но я занят, я помощник машиниста на курьерском паровозе.

Я ушел. Я не был другом Мальцева, и он ко мне всегда относился без внимания и заботы. Но я хотел защитить его от горя судьбы, я был ожесточен против роковых сил, случайно и равнодушно уничтожающих человека; я почувствовал тайный, неуловимый расчет этих сил в том, что они губили именно Мальцева, а, скажем, не меня. Я понимал, что в природе не существует такого расчета в нашем человеческом, математическом смысле, но я видел, что происходят факты, доказывающие существование враждебных, для человеческой жизни губительных обстоятельств, и эти губительные силы сокрушают избранных, возвышенных людей. Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, я чувствовал свою особенность человека. И я пришел в ожесточение и решил воспротивиться, сам еще не зная, как это нужно сделать.

V

На следующее лето я сдал экзамен на звание машиниста и стал ездить самостоятельно на паровозе серии "СУ", работая на пассажирском местном сообщении.

И почти всегда, когда я подавал паровоз под состав, стоявший у станционной платформы, я видел Мальцева, сидевшего на крашеной скамейке. Облокотившись рукою на трость, поставленную между ног, он обращал в сторону паровоза свое страстное, чуткое лицо с опустевшими, слепыми глазами, и жадно дышал запахом гари и смазочного масла, и внимательно слушал ритмичную работу паровоздушного насоса. Утешить его мне было нечем, и я уезжал, а он оставался.

Шло лето; я работал на паровозе и часто видел Александра Васильевича не только на вокзальной платформе, но встречал его и на улице, когда он медленно шел, ощупывая дорогу тростью. Он осунулся и постарел за последнее время; жил он в достатке - ему определили пенсию, жена его работала, детей у них не было, но тоска, безжизненная участь снесли Александра Васильевича, и тело его худело от постоянного горя. Я с ним иногда разговаривал, но видел, что ему скучно было беседовать о пустяках и довольствоваться моим любезным утешением, что и слепой - это тоже вполне полноправный, полноценный человек.

- Прочь! - говорил он, выслушав мои доброжелательные слова.

Но я тоже был сердитый человек, и, когда, по обычаю, он однажды велел уходить мне прочь, я сказал ему:

- Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину.

Мальцев согласился:

- Ладно. Я буду смиренным. Дай мне там в руки что-нибудь, дай реверс подержать: я крутить его не буду.

- Крутить ты его не будешь! - подтвердил я. - Если покрутишь, я тебе дам в руки кусок угля, а больше сроду не возьму на паровоз.

Слепой промолчал; он настолько хотел снова побыть на паровозе, что смирился передо мной.

На другой день я пригласил его с крашеной скамейки на паровоз и сошел к нему навстречу, чтобы помочь ему подняться в кабину.

Когда мы тронулись вперед, я посадил Александра Васильевича на свое место машиниста, я положил одну его руку на реверс и другую на тормозной автомат и поверх его рук положил свои руки. Я водил своими руками, как надо, и его руки тоже работали. Мальцев сидел молчаливо и слушался меня, наслаждаясь движением машины, ветром в лицо и работой. Он сосредоточился, забыл свое горе слепца, и кроткая радость осветила изможденное лицо этого человека, для которого ощущение машины было блаженством.

В обратный конец мы ехали таким же способом: Мальцев сидел на месте механика, а я стоял, склонившись, возле него и держал свои руки на его руках. Мальцев уже приноровился работать таким образом настолько, что мне было достаточно легкого нажима на его руку - и он с точностью ощущал мое требование. Прежний, совершенный мастер машины стремился превозмочь в себе недостаток зрения и чувствовать мир другими средствами, чтобы работать и оправдать свою жизнь.

На спокойных участках я вовсе отходил от Мальцева и смотрел вперед со стороны помощника.

Мы уже были на подходе к Толубееву; наш очередной рейс благополучно заканчивался, и шли мы вовремя. Но на последнем перегоне нам светил навстречу желтый светофор. Я не стал преждевременно сокращать хода и шел на светофор с открытым паром. Мальцев сидел

спокойно, держа левую руку на реверсе; я смотрел на своего учителя с тайным ожиданием...

- Закрой пар! - сказал мне Мальцев.

Я промолчал, волнуясь всем сердцем.

Тогда Мальцев встал с места, протянул руку к регулятору и закрыл пар.

- Я вижу желтый свет, - сказал он и повел рукоятку тормоза на себя.

- А может быть, ты опять только воображаешь, что видишь свет? - сказал я Мальцеву.

Он повернул ко мне свое лицо и заплакал. Я подошел к нему и поцеловал его в ответ.

- Веди машину до конца, Александр Васильевич: ты видишь теперь весь свет!

Он довел машину до Толубеева без моей помощи. После работы я пошел вместе с Мальцевым к нему на квартиру, и мы вместе с ним просидели весь вечер и всю ночь.

Я боялся оставить его одного, как родного сына, без защиты против действия внезапных и враждебных сил нашего прекрасного и яростного мира.

1937 г.

Творческое задание

Вам предлагается попробовать себя в роли создателя «баттл»-текста от лица двух литературных героев-соперников, представляющих ценности и мироощущение определенной культурно-исторической эпохи.

«Баттл» – явление современной молодежной городской субкультуры, своеобразное соревнование, конкурс, смысл которого – не только победить, отстояв собственную точку зрения, но и выявить слабые стороны в позиции противника. Несмотря на короткое время «бытования» слова «баттл» в русском языке (конец 2000-х гг.), жанры, в основе которых лежит идея соперничества, утверждения превосходства собственных убеждений, были давно известны мировой культуре. Это диспут и полемический трактат, эпистола и «разговор», история которого связана с традициями античных «диалогов».

Перед Вами несколько пар литературных героев, имеющих, благодаря создателям, вполне самостоятельное представление о жизни, о себе, о мире, в

котором существуют. Ваша задача заключается в том, чтобы выбранные Вами для творческой работы персонажи вступили в диалог. Их «баттл», спор должен касаться каких-то важных вопросов, связанных с мировоззрением этих героев. Выбирая стратегию спора-диалога, Вы можете опираться на ключевые понятия, предложенные в заданиях. Помните, что позиции героев могут в чем-то совпадать, а могут быть прямо противоположны, интонация их реплик может быть убедительной, критической, вопросительной, восторженной, сатирической, но – главное – всегда корректной, что столь важно для победы в «баттле». Подумайте, кто, по Вашему мнению, ее должен одержать? Свой ответ обоснуйте.

Задание не предполагает жесткую закрепленность за каждым героем именно того оппонента, который предложен изначально. Выбранный Вами персонаж может бросить вызов любому другому сопернику из названных ниже.

Внимание! Творческое задание пишется прозой. Перед тем, как приступить к работе, продумайте ее стиль и композицию. Не забывайте, что при обрисовке каждого персонажа нужно опираться на авторскую позицию, на идейный мир произведения, которому принадлежит литературный герой.

Павел Чичиков – Андрей Штольц (деловые качества, воспитание, взгляды на труд, брак, дружбу, мораль, разум и чувства);

Катерина Кабанова – Ольга Ильинская (семейный уклад, личностная свобода, совесть, любовь, брак, нравственные принципы, социальные условности, личность и антагонистичное ей общество, совпадение / несовпадение «я для себя» и «я для других»);

Катерина Кабанова – Катерина Измайлова (патриархальные ценности, семья, грех, свобода, ответственность, долг, совесть, разум и страсти);

Евгений Базаров – Илья Обломов (смысл жизни, сословная принадлежность, личность и социум, общественная польза, любовь, дружба, идеология, разум и чувства, социальные и личностные преобразования);

Евгений Базаров – Родион Раскольников ()

Андрей Болконский – Петя Трофимов (служба отчизне, идеальное общественное устройство, гражданский долг, идеология, деловые качества, тщеславие и амбициозность).

Уважаемый участник олимпиады!

Задания и ответы олимпиады будут опубликованы на сайте ГБУ ДО КК «Центр развития одаренности» (www.cdodd.ru) в день проведения олимпиады в 15.00 в разделе «Методическая копилка/Олимпиадные задания муниципального этапа ВОШ».

Уточните у организаторов, где и когда будут опубликованы результаты проверки олимпиадных работ.

В случае несогласия с выставленными баллами вы можете подать апелляцию, предварительно просмотрев Вашу оцененную работу, обратившись в муниципальный орган управления образованием. Там же Вы можете получить подробную информацию о месте и времени проведения просмотра олимпиадных работ и апелляции.